

Послы всего этого, врядъ ли нужно говорить, кто сдѣлалъ эту мерзость.

Чья рука, грязная и мерзкая, могла ударить плетью, такой же грязной и мерзкой, по страдавшей душѣ умирающаго писателя?

Кто могъ сдѣлать это, кромѣ „старого палача“? Кромѣ г. Буренина?

Безсильному, старому, беззубому „палачу“, ему только мучить умирающихъ, кидать грязью въ лежащихъ въ предсмертной агоніи, отравлять имъ послѣдніе часы.

Та же мерзкая рука, которая бичевала умирающаго Надсона, протянулась, чтобъ помучить и умирающаго Чехова.

Изъ кандалнаго отдѣленія *Новаго Времени* выползъ ихъ старый палачъ и своею грязной, липкой, холодбующей рукой „взялся“ за умирающаго.

За страдальца.

— Тутъ-то я тебя и напугаю. Успѣхъ имѣлъ? Къ Тургеневу приравниваютъ? Къ Гоголю? А я-то не Бѣлинскій? Не Добролюбовъ? Ну-ка, гдѣ у тебя мѣстечко побольше? Сейчасъ я тебя...

И началъ мерзкими, липкими руками выискивать на больномъ тѣлѣ, гдѣ бы ударить:

— Чтобъ побольше было. Побольше!

Талантливъ, бездаренъ, даже уменъ, не уменъ,—все это было взглядъ читателей и критики.

Но есть у писателя истинная гордость:

— Чего добился, добился честно, прямо, только своимъ талантомъ. Больше не обязанъ ничему!

И въ это-то больное мѣсто направилъ „старый палачъ“ свой ударъ.

— Скромень? Вотъ по этому-то мѣсту я тебя! „Рекламистъ“.

И по больному еще разъ:

— Еще, еще, дай тебя по этому мѣсту хлестну! „Аферистъ“. На „штуки“ пускаешься!

Больно? Въ этомъ и состоитъ искусство „старого палача“.

Какая, поистинѣ, омерзительная картина мучительства надъ умирающимъ.

И какое, поистинѣ, христіанское восклицаніе *Новаго Времени*, когда умеръ А. П. Чеховъ:

— Одно сознаешь, какъ мало мы вообще цѣнимъ людей при ихъ жизни, и какъ они разомъ вырастаютъ передъ очами нашей души, когда закроетъ ихъ гробовая крышка!

Русское общество, я увѣренъ, съ удовольствіемъ узнало, что благочестивое и великодушное предложеніе *Новаго Времени* принять похороны А. П. Чехова на свой счетъ „отклонено“.

Этого не могла бы допустить общественная нравственность. (*Рус. Сл.*)